

Н. А. БАСКАКОВ

Явления лексикализации аффиксов в тюркских языках

Процессы лексикализации определительных и других словосочетаний, а иногда и целых предложений в тюркских языках служат одним из значительных факторов развития и обогащения словарного состава языка, точно так же как процессы грамматикализации словосочетаний и предложений и превращение постпозиционных их элементов в грамматические форманты-аффиксы, — одним из основных средств развития и обогащения грамматического строя.

В тюркологической литературе имеется уже много специальных исследований и материалов, посвященных как процессам лексикализации словосочетаний на основе так называемого словосложения, так и процессам их грамматикализации.

В меньшей степени исследователи обращали внимание на весьма любопытные случаи лексикализации некоторых отдельных грамматических форм слов и почти совсем не обращалось внимания на весьма любопытные случаи лексикализации отдельных изолированных грамматических формантов-аффиксов вне их связи со знаменательными основами.

Оставляя в стороне довольно значительную группу слов в тюркских языках, представляющую собой, по своему происхождению, результат лексикализации отдельных грамматических (морфологических) форм, типа кк. *dejdi* (<форма III лица настоящебудущее время, от глагола *de-* 'говорить, сказать', букв. 'он говорит') в значениях: 1. цель, желание (ср. кк. *dejdiŋe kelse sat, dejdiŋe kelmese satpa* 'хочешь — продай, а не хочешь — не продавай', где форма *dejdi* дана с аффиксом принадлежности 2 лица *-ŋ* в направлении-дательном падеже *-e*) и 2. *dejdi-dejdi* 'слухи, весть' (здесь лексикализуется данная форма как парно-повторное слово), мы перейдем к описанию только случаев лексикализации отдельных изолированных формантов-аффиксов.

К последним относится всего только пять зарегистрированных случаев, т.е. пять грамматических формантов-аффиксов, которые в различных тюркских языках лексикализовались и получили самостоятельное либо знаменательное, либо служебное лексическое значение. Я имею в виду аффиксы:

1. *-tuş/-miş* ~ *-mys/-mis* (аффикс причастной формы глагола); 2. *-lar/-ler* (аффикс множественного числа); 3. *-lyq/-lik* (аффикс обладания); 4. *-ğyna/-gine* (аффикс уменьшительной формы имен существительных); 5. *-sutaq* (сложный аффикс уподобления, состоящий из аффиксов *-sy* *-maq*).

1. Имя существительное *tuş-miş* — ‘слух, сплетня, разговор’ (из аффикса *-tuş/-miş* ~ *-mys/-mis*).

Глагольная форма причастия на *-tuş/-miş*, *-mys/-mis* была подвергнута анализу в многочисленных специальных¹ и общих² исследованиях по словообразованию.

В современных тюркских языках форма на *-tuş/-miş*, *-mys/-mis* наиболее продуктивна в древне-тюркском и в современных огузских языках и в частности в турецком языке³. В этих языках эта форма служит основой для прошедшего времени (прошедшего субъективного, неочевидного времени в турецком языке⁴, а в сочетании с недостаточным глаголом *e- ~ i- (/er- ~ ir-)* ‘быть’ составляет частицу, которая в соединении с причастиями или с именами образует модальные формы с аудитивным значением действия, о совершении которого известно говорящему по слухам, по наслышке, ср., напр., в основе прошедшего неочевидного времени — древнетюркск. *улуғ сүнүи сүнүмш*, *ал Шалчы ак атын билип тәгмш*, *кара түргис будуныг анта өлүрмш алмыш...* ‘(Как мы после узнали), он дал большое сражение. Сев на белого коня, героя Шалчы, он произвел атаку. Убил (многих) из народной массы тюркшей и покорил оставшихся’⁵; турецк. *namuslu adam kalmamış bu dünyada iki gözüm* ‘видно, не осталось на этом свете честных людей, милый’⁶; —

¹ Н. К. Дмитриев, *К вопросу о значении османской глагольной формы на ‘-tuş’*, ЗКВ, П, вып. 1, 1926. А. Н. Кононов, *Турецкая глагольная форма на „мыш“*. Ученые Записки Ленинградского Гос. Университета. Серия филол. наук, № 20, вып. 1, 1939; М. Mansuroğlu, *Türkçede ‘-miş’ ekinin fonksionları*, Mélanges F. Köprülü, Istanbul 1953.

² Г. И. Рамstedт, *Введение в алтайское языкознание*. Морфология, Москва 1957, стр. 101, 103; М. Räsänen, *Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen*, Studia orientalia XXI, Helsinki 1957, стр. 137; А. Н. Кононов, *Грамматика современного турецкого литературного языка*, М.-Лнгр. 1956, стр. 231 и др. (дана библиография); Н. А. Баскаков, *Каракалтакский язык*, II, М.-Лнгр. 1952, стр. 409—410 и др.

³ В другом фонетическом оформлении эта форма является продуктивной в якутском и монгольских языках.

⁴ Ср. А. Н. Кононов, *Грамматика современного турецкого литературного языка*, М.-Лнгр. 1956, стр. 231—233.

⁵ С. Е. Малов, *Памятники древнетюркской письменности*, М.-Лнгр. 1951, стр. 32(40).

⁶ Сабахаттин Али, *Сборник рассказов*, Изд. МИВ, 1954, стр. 38.

в составе модальной частицы $-(i)mi\check{s}/-(e)mi\check{s}$ — *yazarmi\check{s}* 'он, говорят, напишет' и т.п.⁷

В других тюркских языках форма на $-mu\check{s}/-mi\check{s}$, $-mys/-mis$ встречается главным образом в составе модальной частицы $imi\check{s}/emi\check{s} \sim (i)mi\check{s}/(e)mi\check{s}$ или в составе лексикализовавшихся форм. Ср., напр., в составе частицы $imi\check{s}/emi\check{s}$ — кк. *bunu\check{n} u\check{s}yn men d\check{z}u\check{w}ar\check{p}ly emi\check{s} ben* 'будто бы я за это ответственен'; *solaj islenedi emi\check{s}* 'так, мол, делают' — 'так, мол, делается'; н-уйг. *bügän Qu(r)van-axun käptimi\check{s}* ($< kelipti imi\check{s}$) 'я слышал, что будто бы сегодня приехал Курбан-ахун'⁸; — в формах лексикализовавшихся и получивших иное знаменательное значение — кк. *d\check{z}emis* 'ягоды', *qulmys* 'проступок', *turmys* 'жизнь', *d\check{z}azmu\check{s}* 'участь, судьба', *ötmi\check{s}* 'прошлое; бывшее' (стр. 410) и т.п.

Глагольные формы на $-mu\check{s}/-mi\check{s}$, а также модальные формы с частицей $imi\check{s}$, имея узкое модальное значение недостоверного действия, о совершении которого известно говорящему по слухам, со слов других, легко выделяют формант $-mu\check{s}/-mi\check{s} \sim -mys/-mis$, который в контекстах, излагающих недостоверный рассказ со слов других, весьма часто повторяется. Этим можно объяснить выделение этого аффикса в виде лексикализовавшегося парного слова *mu\check{s}-mu\check{s}* и получение им знаменательного самостоятельного значения 'слух, сплетня'.

Парное слово *mu\check{s}-mu\check{s}* употребляется, например, в современном каракалпакском, узбекском и в других языках, как самостоятельное слово, напр. кк. *sen žöninde bir mu\check{s}-mu\check{s}lar bar* 'о тебе имеются кой-какие разговоры' (=слухи, сплетни)¹⁰, или узб. *mi\check{s}-mi\check{s} tarqalipti* (Аскад Мухтар) 'распространились неточные известия'¹¹, так и в сочетании со словами *xabar* 'известие', *gäp* 'речь', *söz* 'слово' и проч., напр. узб. *mi\check{s}-mi\check{s} xabar* или *mi\check{s}-mi\check{s} gäp* 'сомнительные известия', кк. *mys-mys xabar* 'молва, слух'¹² (стр. 410) *mu\check{s}-mu\check{s} sözden žetken qorlyqqa šajyr žany tözbedi härgiz* букв. 'душа поэта не стерпела унижения = позора, причиненного слухами'¹³.

⁷ А. Н. Кононов, цит. соч., стр. 251.

⁸ Н. А. Баскаков, *Каракалпакский язык*, П. М. -Л., 1952, стр. 410. Далее все примеры из каракалпакского языка даются в статье по этому источнику без ссылок, но с указанием страниц, в скобках при каждом примере.

⁹ Его же, *Очерк грамматики уйгурского языка. Уйгурско-русский словарь*, М. 1939, стр. 214.

¹⁰ Х. Сеитов, *Агроном — председатель*. Рассказ на каракалпакском языке. Журнал „Каракалпак адебияти“, Нукус 1956.

¹¹ А. Г. Гулямов, *Проблемы исторического словообразования узбекского языка* (докторская диссертация). М. 1958, стр. 214.

¹² Там же, стр. 214.

¹³ Перевод на каракалпакский язык стихотворения М. Ю. Лермонтова „На смерть поэта“, *Шайрдинг олим*, опубликованного в журнале „Каракалпак адебияти“, Нукус 1956.

Таким образом в этих примерах мы видим случаи лексикализации аффикса *-muş/-miş* ~ *-mys/-mis* в виде парного слова, получившего свое значение по соответственному грамматическому значению этого аффикса, придающего глаголу аудитивное значение действия, совершившегося вне поля зрения говорящего и известного ему по слухам со слов других.

В изолированном употреблении или в составе сложного слова (в сочетании со словами *xabar* 'известие', *söz* 'слово') слово *muş-muş*, как новое образование, относится к разряду имен существительных и в качестве существительного может принимать окончания — аффиксы основных категорий словоизменения: числа, принадлежности, падежа и лица.

2. Личное местоимение III лица, множественного числа *lar* 'они' (из аффикса множественного числа *-lar/-ler*)

Лексикализация аффикса множественного числа *-lar/-ler* и превращение его в слово со знаменательным значением личного местоимения третьего лица множественного числа встречается в одном из северных диалектов горно-алтайского (ойротского) языка, а именно в диалекте лебедишцев *quw*—*kiži* или *šalqanuyğ*.

Диалектологические записи разговорной речи лебедишцев обнаруживают четыре различные формы личного местоимения третьего лица множественного числа — *olar*, *ular*, *ylar*, *lar* 'они', из которых последние безусловно представляют собой редуцированные варианты более полной формы *olar* и *ular*.

Примеры:

lar kele le kücü tynmazyndyn suraptırlar 'они подошли и спросили у младшей сестры'

ol qat pır qap köwirini larğa artır sola bererde, lar any alğap ajtan poltyrlar 'когда та жена дала им мешок мяса, то они ее похвалили'

lardyn raq ewes suğ keçire Saratuu qannyn uly Sary-ul tjurtap tjatır 'недалеко от них, через переправу, жил Сары-ул, сын Сарату-хана'

men andyn beri njanyjdim lar anda tjurtap tjada qaldy 'я возвратился оттуда, а они остались там жить'

ylarnyn bir daa tjibi eš tjoq bolğon 'у них ничего не было'

ylar bajğa ištep bir put puğdej ištep alyp any çačsanar 'они, работая на бая, заработали один пуд пшеницы и посеяли ее'¹⁴

Процесс превращения полной формы личного местоимения третьего лица множественного числа из *olar* ~ *ular* > *ylar* > *lar* фонетически легко

¹⁴ Из записей автора в Курмач-байголе и в Суранаше по р. Лебедь в Горно-Алтайской автономной области у Г. К. Пустагачева и И. И. Сумачакова в 1952 году.

объясним постепенной редукцией протетических гласных звуков, сначала их делабиализацией (*olar* ~ *ular* > *ylar*), а затем выпадением узкого начального гласного *y* (*ylar* > *lar*).

Таким образом, здесь мы имеем дело с особым, отличным от предыдущего, случаем лексикализации аффикса и превращения его в самостоятельное слово.

Если в отношении *muş-muş* 'слух' процесс лексикализации мог быть объяснен в чисто семантическом плане, то превращения *lar* в самостоятельное слово 'они' объясняется скорее фонетическим развитием этого слова с сохранением им исходного значения.

3. Имя качественное *lyq* 'полный, полно' (из аффикса обладания *-lyq/-lik*)

Аффикс обладания *-lyq/-lik* в тюркских языках имеет разнообразную семантику. При присоединении данного аффикса к именам существительным наиболее характерным и общим для многих тюркских языков является значение, указывающее на обладание данным предметом или на место, изобилующее данными предметами; ср., напр., кк. *qajynlyq* 'березовая роща', *taslyq* 'каменистая местность', *köllik* 'местность, изобилующая озерами' или *džallyq* 'имеющий гриву > лошадь', и проч. (стр. 181).

Таким образом, аффикс *-lyq/-lik* в системе словообразования образует новые слова с семантикой обладания чем-то в изобилии. Эта отвлеченная семантика аффикса *-lyq/-lik* послужила основанием для лексикализации этого аффикса, который в некоторых языках, например в казахском, каракалпакском, узбекском, ново-уйгурском и в других тюркских языках приобрел самостоятельное знаменательное значение слова 'полный, полно, полным полно'. Ср., напр., кк. *xalyq köşede lyq tolğan* 'народу на улице полным полно'¹⁵; узб. *lyq tola* 'битком-набитый', 'полным-полно'¹⁶; н.-уйг. *čälek suğa liq toldi* 'ведро наполнено водой до краев'¹⁷.

Как видно из примеров, слово *lyq* 'полный, полно' встречается только в связанном фразеологическом сочетании с глаголом *tol-* 'наполняться, быть полным' и служит усилительным словом, имеющим тенденцию превратиться в наречие усиления, а следовательно процесс лексикализации аффикса *-lyq/-lik* не вполне еще завершился, хотя в киргизском языке слово *lyq*, кроме сочетаний с глаголом *tol-* 'наполняться', встречается и с другими глаголами, напр. с глаголом *toqto-* 'останавливаться': *lyq toqtodu* 'вдруг остановился и не двигается'¹⁸.

¹⁵ Каракалпакско-русский словарь, М. 1958.

¹⁶ А. Г. Гулямов, цит. соч., стр. 624.

¹⁷ Н. А. Баскаков и В. М. Насилов, Уйгурско-русский словарь, М. 1939, стр. 91.

¹⁸ К. К. Юдахин, Киргизско-русский словарь. М. 1940, стр. 290.

4. Ограничительная частица *ğyna||ğana* 'только' (из аффикса уменьшительной формы имен существительных *-ğyna/-gine||-ğana/-gene*).

Аффикс *-ğyna/-gine ~ -qyna/-kine||-ğana/-gene ~ -qana/-kene* встречается главным образом в современных кыпчакских (казахском, каракалпакском и др.) и карлукских (узбекском) языках. В сочетании с именами существительными и прилагательными он образует уменьшительную их форму, напр. кк. *közgine||közgene* 'глазки'; *qasqyna||qasqana* 'бровки'; *közgenesi džyltyrap*, *qasqanasy qaltyrap* 'глазки ее сверкают, бровки ее дрожат'; *tamaqqana* 'горлышко'; *meniñ ulyınyñ tamaqqanasy awurdy* 'у моего сына заболело горлышко' (стр. 179), или *kiškene* (< *kišikkene*) 'малый, маленький'; *kiškenegene* (< *kişik-kene-gene*) 'малосенький'¹⁹; *kiškenegene min tas köterip ursa synbas (pul)* 'малосенький гранитный камешек, а если поднять и ударить его (о землю), то не разобьется' (денежка); *kökkäne* 'сизый, синеватый'; *kökkäne käpter emes pen* 'я не сизый голубь'; *džaqsyğana* 'хорошенький'; *aruwğana* 'чистенький' и проч. (стр. 209); узб. *qizginä* 'девчонка', но *qiz gina* 'только девушка'²⁰.

Выступая в значении уменьшительной формы имен существительных и прилагательных, аффикс *-ğyna/-gine* изолировался от основ и лексикализировался в значении ограничительной частицы *ğyna||ğana* 'только', которая встречается уже во многих современных тюркских языках, напр. кк. *bul tek başlanğany ğana* 'это только лишь начало'; *džalğyz sol ğana kemis* 'того самого только и нехватает'; *ol saw bolsa ğana bolğany* 'только бы он выздоровел'; *keşe ğana enbeklegen bala edin ğoj* 'ведь только совсем недавно ты был ползунком' (стр. 478); кирг. *al ğana emes* 'и не только он'; *bir ğana* 'только один'; *özüm ğana* 'только я сам'; *sözdö ğana, ište džoq* 'только на словах, а на деле нет'; *qandaj ğana bolso da* 'как бы то ни было', 'во что бы то ни стало'²¹; казахск. *bul mäseleni tek sol ğana şeşe alady* 'только он может решить этот вопрос'; *bul tek bastamasy ğana* 'это только начало'; *žurttyñ bari dajyn, al ol endi ğana kijiniñ žatyr* 'все готовы, а он только одевается'; *ony sen nege ğana istedin!* 'Зачем ты только это сделал!'; *men ğana emes, basqalar da solaj desedi* 'не только я, но и другие говорят то же самое'; *ol qazir ğana keldi* 'он только что приехал'²²; узб. *men uni hāzır ginä kördim* 'я только что видел его'²³.

Таким образом, процесс лексикализации аффикса *ğana||ğyna* является

¹⁹ Здесь аффикс *-kene* удваивается; Ср. M. R ä s ä n e n, *Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen*, Studia Orientalia XXI, Helsinki 1957, S. 249.

²⁰ А. Г. Гулямов, цит. соч., стр. 519.

²¹ К. К. Юдахин, *Киргизско-русский словарь*, М. 1940, стр. 237.

²² *Русско-казахский словарь*, М. 1954, стр. 816.

²³ *Русско-узбекский словарь*, Ташкент 1955, том V, стр. 354.

общим с процессом лексикализации аффикса *-lyq/-lik*. Переход их в знаменательные слова произошел благодаря специфическому значению этих аффиксов — в первом случае как аффикса, указывающего на наличие изобилия, множественных предметов, а во втором — как аффикса, указывающего на уменьшительность, на ограничение. Вот почему в результате лексикализации первого аффикса образовалось знаменательное слово — наречие *lyq* 'полно, полный, полным-полно', а в результате лексикализации второго аффикса — ограничительная частица *ğana//ğyna* 'только, только — лишь'.

5. Послелог *sumaq* 'подобный, подобно, подобно как' (из аффикса уподобления *-sy* + аффикс имени действия *-maq*).

Слово *sumaq* в ряде тюркских языков (каракалпакском, казахском, киргизском, в некоторых диалектах узбекского языка и проч.), повидимому, совсем еще недавно выступало в качестве аффикса, образующего от имен существительных имена уподобления такого типа, как, напр., кк. *tolqyn-sumaq* 'волнообразный'; *šarsumaq* 'шарообразный'; *majsumaq* 'маслянистый' (стр. 198) и проч.

В составе этого древнего аффикса *-sumaq* сохранился элемент *-sy*, который представляет собой формант, образующий глагол от имени, ср., напр., кк. *šešensi-* (*šešeñsimek*) 'считать себя оратором'; *menmensi-* (*menmensimek*) 'мнить о себе'; *menmensigen* 'самодовольный, мнящий о себе человек', *menmensüw* 'самомнение'; н-уйг. *ädämsi-* (*ädämsimäk*) 'делать как человек, считать себя человеком' (стр. 321). Элемент же *-maq* представляет собой аффикс, образующий производную от глагола форму имени действия.

Образуя от имен существительных уподобительные формы, аффикс *-sumaq* изолировался и лексикализовался в виде самостоятельного слова с реальной семантикой послелога уподобления 'подобно как'. В современных тюркских языках, например в каракалпакском и киргизском, этот лексикализовавшийся аффикс приобрел уже значение самостоятельного слова и как послелог в сочетании с другими словами не подвержен законам сингармонизма. Он сочетается в единой форме *sumaq* со словами как с задним, так и с передним вокализмом.

Слово *sumaq* в киргизском языке определяется как 'слово, выражающее уподобление'²⁴, и имеет значение 'имеющий вид, в виде, подобный, подобно, похожий, похоже' и проч. Ср. кирг. *aqyl sumaq azyraq syr ajtajyn* 'расскажу немного, в виде доброго совета'; *kiši sumağy džoq* 'он и на человека не похож'²⁵.

²⁴ К. К. Ю д а х и н, *Киргизско-русский словарь*, М. 1940, стр. 458.

²⁵ Там же.

Самостоятельным словом в единой фонетической форме с задним вокализмом послелог *symaq* считается также и в каракалпакском языке; ср., напр., *batyr symaq* 'как богатырь, подобный богатырю', иронич. 'войка'; *gaz symaq* 'как газ, подобно газу'; *gümis symaq* 'как серебро, подобно серебру' и т. п.

Из приведенных примеров видно, что слово *symaq* 'подобный, подобно', как результат лексикализации соответствующего аффикса *-symaq* (*/-simek*), сохранило тесную связь с последним и по своему фонетическому оформлению и по своему значению. Таким образом в отношении данного особого случая мы можем в одинаковой степени предполагать как прямой процесс превращения самостоятельного слова в аффикс, так и обратный — процесс лексикализации аффикса и превращения его в самостоятельное слово.

Приведенные в данной статье случаи лексикализации аффиксов не охватывают всех аналогичных явлений, встречающихся в тюркских языках. Тщательного изучения в этом направлении требуют также, например, такие спорные, в отношении своего происхождения, слова, как *čala* ~ *šala* 'полу-, не совсем, не вполне, недостаток, помесь, метис' в сочетаниях, типа каз. *šala qazaq* 'полу казах, метис'; кирг. *čala džan* 'полуживой', *čala ölük* 'полумертвый'; *čala sabattuu* 'малограмотный', *išin čala* 'твоя работа недоделана'; *čala-bula* 'кое-как'; *čalağajum* 'верхогляд, размазня' и проч.²⁶, которое, возможно, представляет собой результат лексикализации форманта *equativ'a* *-ča/-če* + аффикса обладания *-ly/-li*, хотя положение этого слова в препозиции по отношению к связанному с ним компоненту словосочетания и вызывает некоторые сомнения; или слово *syjaq* 'подобие, внешность, лицо' и производные от него слова кк. *syjaqtly* кирг. *syjaqtuu* 'подобный, похожий', *syjaqtaš* 'аналогичный' и проч., которые в сочетаниях, типа кк. *gaz syjaqtly* 'газообразный', также занимают в этих языках положение, близкое к сложным аффиксам, хотя более вероятно, что слово *syjaq*, а следовательно и все производные от него слова, происходят от персидского *سياق* 'порядок, образ, манера, метод, способ'²⁷, и, следовательно, здесь мы имеем прямой процесс грамматикализации, т.е. постепенного превращения самостоятельного слова в грамматический словообразовательный формант.

Во всяком случае, все эти явления заслуживают самого пристального внимания и дальнейшего своего изучения.

²⁶ К. К. Ю д а х и н, *Киргизско-русский словарь*. М. 1940, стр. 118.

²⁷ Б. В. М и л л е р, *Персидско-русский словарь*, 2-е издание. М. 1953, стр. 299.